

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Оформление обложки — *Андрей Фerez*
Рисунки — *Александра Николаенко*

Борисова, Анна

Б82 Там... : [роман] / Анна Борисова. — М.: Издательство
АСТ, 2018. — 288 с. — (Борис Акунин: проект «Авторы»).

ISBN 978-5-17-107759-4

«Там...» — это роман-предположение о том, что ожидает каждого из нас по Ту Сторону. Герои романа проделывают этот роковой путь всяк по-своему. Одни — дорогой, которая проложена христианством, исламом или буддизмом. Другие более причудливыми маршрутами. Хотите узнать, что сулят человеку Вера и Безверие? Тогда эта книга, одновременно познавательная, страшная и смешная, для вас.

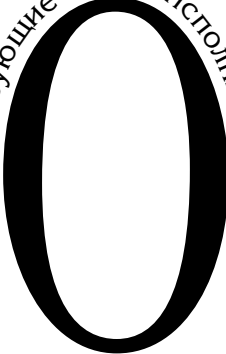
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Борисова, 2008
© А. Николаенко, илл., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

содержание

0 действующие лица и исполнители	7
1 АКТ	79
2 АКТ	97
3 АКТ	195

действующие лица и исполнители

АННА

элегантная дама, 45 лет

Отрешенный, не вполне земной голос, каким в аэропортах делают объявления только по ночам, пригласил пассажиров рейса Москва—Лагос на посадку.

У Анны включилось ассоциативное мышление с твердой установкой на позитив. Лагос в Африке. Кого из африканцев мы любим? Пушкина.

Решила выпить за Пушкина. Он молодец. Правильно сформулировал. Счастье — фигня собачья. Покой и воля гораздо лучше.

Но ассоциативный ряд удлинился, тема тоста поменялась на ходу.

— За освобожденные народы Африки.

Мальчик за барной стойкой замигал телячьими ресницами:

— В каком типа смысле?

Не та генерация. Спроси его, кто такие Патрис Лумумба или Чомбе, предположит, что рэперы. Или растаманы.

В зрелые годы нужно выбирать собеседников из своей возрастной категории. Общие воспоминания, общий

язык, общие шутки. А главное, все понятно без объяснений. Одна Аннина знакомая, лесбиянка Фиона из Нью-Йорка, тоже историк, в расслабленной обстановке, после джойнта, говорила, что именно в этом главная привлекательность однополой любви. Не надо ничего объяснять, не надо прикидываться. Тебя стопроцентно понимают, как не сможет понять ни один мужик, даже самый тонкий и умный. Слушать Фиону было интересно, но когда пролесбийанский дискурс перешел в фазу актуализации, Анна отодвинулась и поменяла тему. Быть объектом гомосексуального желания ей не улыбнулось, как говорили во времена ее студенчества. Или, как выражались ее нынешние студенты, не покатило.

“Объект желания”. Термин из Аннинных колониальных времен.

Незабвенный Ю.А. любил порассуждать о сущностной противоположности корневых гендерных установок. Главный женский афродизиак — чувствовать себя объектом вождения. Женщине очень важно быть желанной, возбуждающей страсть. У мужчины наоборот: ему нужно желать и добиваться.

Философ, блин. Светило гуманитарной науки. Изрекал свои банальности с таким небрежным видом, будто мечет бисер перед хрюшкой, а она, дурочка, только замирала. Как глубоко, как точно!

Многие мысли Ю.А. когда-то казались Анне всесильными, потому что верными. Ха! Вот еще одна шутка, которой юный бармен сто пудов не поймет.

— Ю.А., you are history*, — скаламбурила Анна вслух, любясь на свое щекастое отражение в пустом бокале.

— Who is history?

Мальчик знает английский. Международный аэропорт, не хухры-мухры.

— Анкора, — перешла она на итальянский.

И опять он, умничка, понял. Снова налил. Лимончик положил. Воткнул свежую соломинку. Хорошую мы все-таки вырастили молодежь.

Положив подбородок на ладонь, она благосклонно рассматривала молодого человека.

Совсем дитё. Такие учатся курсе на третьем-четвертом. Черная бороденка клинышком, в ухе алмазная серьга. Страз, наверно. Или просто стекляшка.

Именно такие мальчики, худенькие и востроглазые, обычно навещали Анну в эротических сновидениях. Сон, уже после разрядки, заканчивался всегда одинаково. Щупленький любовник прижимался к ее груди, а переполненная нежностью Анна гладила его по тонкой шейке и целовала в макушку. Диагноз ясен безо всякого Фрейда. Подсознание вытесняет образ мужчины-отца образом мужчины-сына. Вторая версия, народно-пасторальная: яловая корова тоскует по нерожденному теленку.

Анна фыркнула, потому что именно в этот момент брюнетик, у которого руки были заняты, мотнул головой, отгоняя муху. Как есть теленок!

* Ю.А., тебя больше нет (англ.).

Алкоголь определенно пробуждал в ней нерастраченный материнский инстинкт. Захотелось сказать несмысленненьшу что-нибудь доброе и мудрое.

— Юноша, у меня есть для вас хорошая новость. — Анна поправила очки и сделала торжественное лицо. — Знайте: у мужчины больше шансов найти счастье, чем у женщины. Потому что женщин, умеющих любить, на свете гораздо больше, чем мужчин, достойных любви.

— Честно? — равнодушно сказал бармен.

В его глазах читалось: наклюкалась тетка.

Еще не наклюкалась, сынок, с достоинством возразила Анна, мысленно. Но это придет. Жди.

Джин энд тоник средство проверенное. Ни разу не подводило. Секрет успеха в величине дозы. Нужно пять коктейлей. Пока выпито три. Три пишем, два в уме.

Диктор по-английски воззвал к какому-то вылетающему в Женеву мистеру, которого срочно ожидают у гейта двенадцать. Неведомый мистер, наверное, тоже мандражирует где-нибудь в укромном закутке аэропорта.

Больше всего на свете Анна боялась летать.

Раньше этот страх у нее был на втором месте. Первое с большим-пребольшим отрывом занимал страх, что Ю.А. ее бросит. Семь лет назад главный кошмар ее жизни осуществился, и бояться стало нечего. Разве что перелетов. В момент, когда шасси отрывалось от взлетной полосы, Анну всегда охватывал животный ужас, который так называется, потому что поднимается из живота. По-нор-

маленькому дышать становится невозможно. То одни вдохи, то одни выдохи. Чейн-Стокс, а не дыхание.

Единственное, что помогало, это как следует надраться. Сделать местную анестезию. Чем Анна в настоящий момент и занималась.

Ирония судьбы заключалась в том, что теперь, когда Аннина карьера пошла в гору, летать приходилось все чаще.

В советские времена считалось, что историк не женская профессия. Ю.А. заявлял, что у женщин нет чувства времени, для них существует одно вечное “сейчас”. Теперь Анна возразила бы ему. Зато для нас всякое время живое. Если мы в него погружаемся, мы начинаем его чувствовать, а вам этого не дано.

Когда на бывшую рабу любви свалилась непрошенная свобода, Анна сначала, конечно, впала в нервное расстройство. Чуть было руки на себя не наложила, курица несчастная. Но как-то выжила. Огляделась, прислушалась к себе.

Что-то в ней уснуло, и, наверное, навсегда. Но что-то и проснулось. А именно башка.

На факультете, Анна знала, про нее за глаза говорят: не баба, конь с яйцами. Насчет яиц врать не станем, но мозги точно есть. Откуда ни возьмись закопошились мыслишки, научные идеи. Не брошенные с барского плеча великим Ю.А., а собственные.

Как раз и времена поменялись. То, что раньше было гандикапом, обернулось бонусом. Женщину-историка, особенно русскую, охотнее приглашают на международные конференции. Если вдуматься, в этом есть что-то

унизительное. Любой научный чих, который, раздайся он из уст мужика, вызвал бы максимум сдержанную похвалу, исторгнутый женщиной-историком воспринимается на ура. Слава феминизму и да здравствует политкорректность!

Анне тут предложили возглавить кафедру. Раньше она бы испугалась, замахала руками. Ответственность, административная работа, склоки всякие. А теперь подумала: почему нет? Вернется с конференции, нужно давать ответ. Пожалуй, единственный минус, что придется иногда видеть Ю.А. Все эти годы, узнав, что он будет на симпозиуме или на какой-нибудь научной тусовке, Анна уклонялась от участия. Завкафедрой себе такого позволять не сможет.

Семь лет она его не видела, с тех пор как ушла со старой работы на преподавание. Только пару раз по телевизору. Скоро семьдесят лет мужику, а все еще хорош. Красивый, маститый. Ну и умный, конечно. Это-то с годами тем более не проходит. Даже на экране видеть его было больноватенько. А наяву?

Ничего. Пускай и он на нее посмотрит.

Так замечательно Анна не выглядела и в двадцать два, когда пришла по распределению в отдел и сразу же, с самого первого дня, влюбилась в начальника. Безоглядно и навсегда. Как говорят ее студенты, без тормозов. Обидно, когда твоя жизнь укладывается в пошлый сюжетец из женской прозы. Пересказывается одним предложением: поморочил женатик девке голову лет на дцать, до первого своего инфаркта, а потом образумился и вернулся к благоверной, брошенка же превратилась в старуху у разбитого корыта.

В женщину бальзаковского возраста, поправила себя Анна. Со времен Бальзака средняя продолжительность жизни увеличилась вдвое. Сегодня в бальзаковском возрасте, то есть в пору зрелого женского расцвета, пребывают Шэрон Стоун, Изабель Аджани, Мадонна, а им всем вокруг полтинника. Нам до этих возрастных высот еще пять лет карабкаться.

Во времена Ю.А. была Анна академической мышкой с хвостиком. Натуральным, какой резинкой стягивают. Черт-те как одевалась. А сколько лет промучилась с контактными линзами! Пока умные люди не объяснили, что правильно подобранная оправа — самый лучший способ подправить недостатки лица.

“Умные люди” работали в парижской фирме “Индис”, сокращенное от Individual Styling. Как по-русски сказать? Поиск индивидуального стиля? Это совершенно новый, еще только зарождающийся бизнес с огромным будущим. Не путать с имиджмейкерами. Те подгоняют клиента под некий заданный имидж. Индисты, наоборот, ищут твой собственный образ. Так сказать, шьют костюм по фигуре. Анне, например, казалось теперь, что она всегда была именно такой: уверенной, элегантной и чуть-чуть стервозной.

Психологи, визажисты и дресс-дизайнеры из “Индиса” целую неделю тебя выспрашивают, разглядывают, анкетировуют, тестируют, а потом создают твой собственный индивидуальный стиль. Как одеваться, какую носить прическу, какую косметику, какую обувь и прочее, и прочее. Анна в ту пору читала спецкурс по российскому консерватизму в Paris IV.